

*Эти тома
автор с чувством глубокой симпатии
посвящает своему давнему другу
Бринсли Хоману, эсквайру*

ЗЕЛЕНЬЙ ЧАЙ

ПРОЛОГ

Мартин Хесселиус, врач из Германии

Я получил основательное медицинское образование и собирался практиковать в качестве терапевта или хирурга, но судьба распорядилась иначе. Обе упомянутые области медицины, тем не менее, интересуют меня по-прежнему. Едва вступив на избранную мной благородную стезю, я вынужден был ее покинуть, и виной тому не лень и не пустой каприз, а крохотная царапина, причиненная анатомическим скальпелем. С потерей двух пальцев, которые пришлось срочно ампутировать, еще можно было бы примириться; главное — ущерб, нанесенный здоровью, ибо с того дня я забыл, что такое хорошее самочувствие; в довершение всего, мне нужно было постоянно разъезжать — жить на одном месте хотя бы в течение года доводилось нечасто.

Во время странствий я познакомился с доктором Мартином Хесселиусом и обнаружил в нем свое подобие: бродягу, врача и, более того, страстного энтузиаста медицинской науки. В отличие от меня, однако, он путешествовал по доброй воле, и, хотя в Англии богачом бы его не назвали, почитаться человеком зажиточным (как говаривали в старину) он

мог вполне. В то время, когда я увидел его впервые, он был уже немолод, нас разделяло немногим менее тридцати пяти лет.

В лице доктора Мартина Хесселиуса я обрел наставника. Знания его были безграничны, интуиция потрясала. Как никто другой, доктор Хесселиус был способен сделаться кумиром в глазах юного и восторженного поклонника врачебного искусства. Мое восхищение выдержало проверку временем, выстояло против самой смерти, и в выборе объекта почитания я не ошибся — сомнений в этом нет.

Почти двадцать лет я проработал секретарем доктора Хесселиуса. Он оставил на мое попечение огромное количество рукописей; их надлежало привести в порядок, снабдить указателем и отдать в переплет. Любопытно то, как доктор излагает некоторые истории болезни. Можно подумать, что записи принадлежат двум разным людям. Обо всем увиденном и услышанном он повествует от лица человека неглупого, однако не принадлежащего к медицинскому сословию; но, покончив с подобным рассказом и выпроводив пациента через дверь собственного холла на свет Божий или же через врата тьмы к обители мертвых, доктор, вновь вооружившись терминологией своей науки, переходит к анализу симптомов, постановке диагноза и прочим ученым рассуждениям.

В бумагах доктора Хесселиуса попадаются истории, которые будут интересны не только специалистам-медикам: они способны также послужить развлечению (или устрашению) обычного, далекого от медицины читателя. Нижеследующий рассказ в точ-

ности скопирован с записей доктора Хесселиуса, за исключением незначительных поправок, касающихся не сути повествования, а лишь его словесной формы. Само собой разумеется, имена действующих лиц заменены на вымышленные. Рассказчиком является сам доктор. Приводимые заметки выбраны из множества описаний болезни, составленных им шестьдесят четыре года назад, во время поездки в Англию.

Заинтересовавший меня материал изложен в нескольких письмах, адресованных другу доктора, профессору Ван Лоо из Лейдена. Адресат был по профессии не врачом, а химиком, но принадлежал к числу тех людей, которые посвящают свое свободное время изучению самых разнообразных наук: и истории, и метафизики, и медицины. Некогда вышеназванному профессору случилось даже написать пьесу.

Таким образом, рассказ отчасти утрачивает свою ценность как документ, имеющий отношение к медицинской науке, но зато выигрывает в занимательности и способен заинтересовать даже не искушенного в тонкостях врачевания читателя.

Из сопроводительной записки ясно, что письма, по-видимому, были возвращены доктору Хесселиусу после смерти профессора, в 1819 году. Некоторые из них писаны по-английски, другие — по-французски, но большая часть — по-немецки. Сознаю, что мой перевод не заслуживает эпитета «изящный», но в верности оригиналу ему не откажешь. И пусть я позволил себе иные отрывки опустить, иные — подсократить, однако же не присочинил при этом ни слова.

ГЛАВА I

Доктор Хесселуэ рассказывает о своей первой встрече с преподобным мистером Дженнингсом

Преподобный мистер Дженнингс высок и худ. Он средних лет; в его аккуратности, в старомодной манере одеваться проступает консервативная чопорность. Он держится, разумеется, с подчеркнутым достоинством, но без скованности, — нет, на истукана мистер Дженнингс не походит нисколько. До красавца ему далеко, однако черты лица у него правильные и запечатлена в них безграничная доброта с примесью робости.

Я впервые увидел мистера Дженнингса однажды вечером у леди Мэри Хейдьюк. Его очевидная скромность и благожелательность располагают к нему людей при первом же знакомстве.

Гостей собралось немного, и мистер Дженнингс внес свой весьма приятный вклад в беседу. Заметно было, что он предпочитает скорее слушать, чем говорить, но речи его всегда уместны по содержанию и отточены по форме. Он ходит в любимцах у леди Мэри, которая, кажется, испрашивает у него совета по самым разным поводам и убеждена, что на свете нет человека счастливее его. Плохо же она его знает!

Преподобный мистер Дженнингс холост и, как говорят, является обладателем шестидесяти тысяч фунтов в государственных бумагах. Он не чуждается благотворительности. Его пламенное желание — подвизаться на церковной ниве, но всякий раз, когда он бывает в Уорикшире, где служит викарием, и может наконец отдаться своему святому призванию,

здоровье, обычно его не подводящее, неизменно отказывает, причем весьма странным образом. Об этом мне известно со слов леди Мэри.

Да, несомненно, на мистера Дженнингса находит временами таинственная хвороба, неоднократно настигавшая его даже во время богослужения в чудесной старинной церкви в Кенлисе. Кто знает, где гнездится болезнь: в сердце или в голове. Раза три-четыре, а то и чаще, отслужив определенную часть священного ритуала, он внезапно замолкал и после некоторой паузы, судя по всему, совершенно неспособный продолжать службу, воздевал к небу глаза и руки в немой молитве, а затем, охваченный непонятным стыдом и ужасом, трепеща, сходил с кафедры и направлялся в ризницу, покинув свою недоумевающую паству на произвол судьбы. Происходили такие сцены всегда в отсутствие помощника священника. В настоящее время, отправляясь в Кенлис, мистер Дженнингс всегда заботится о том, чтобы рядом с ним в храме находилось еще одно лицо духовного звания, готовое в случае надобности принять священное бремя из его ослабевших рук.

Но стоит мистеру Дженнингсу сдать окончательно, покинуть свой приход и возвратиться в Лондон, в свой тесный дом на темной улочке в районе Пиккадилли, он чувствует себя как нельзя лучше: так полагает леди Мэри, а я придерживаюсь на этот счет особого мнения. Ну что ж, будущее покажет.

Мистер Дженнингс — джентльмен с головы до пят. Однако люди замечают в нем некоторые странности. Создается впечатление, что в нем кроется нечто непонятное. В этом отчасти повинно одно обстоятельство, о котором, насколько я понимаю, люди

забывают либо просто не придают ему значения. Мне же эта особенность бросилась в глаза, причем почти сразу. У мистера Дженнингса есть манера кидать косые взгляды вниз, на ковер. Можно подумать, что он сопровождает глазами что-то движущееся. Так, разумеется, бывает не всегда, а время от времени. Но достаточно часто, чтобы, как я уже говорил, манеры мистера Дженнингса казались в определенной степени необычными. В этом соскальзывающем вниз взгляде чудятся одновременно и робость, и беспокойство.

Философствующий медик (как Вы, со свойственной Вам любезностью, меня наименовали), который при разработке теории опирается на данные, полученные в ходе своей практической деятельности, посвящает всестороннему изучению указанных данных много больше времени, чем обычный врач, и, соответственно, заметно превосходит этого последнего в том, что касается тщательности и детальности анализа: такой медик незаметно для себя самого приобретает привычку к внимательному наблюдению. Эта привычка сопровождает его повсюду, а объектом такого бесцеремонного, как полагают иные, наблюдения может стать любой, лишь бы имелась хоть малейшая надежда, что полученные таким образом данные вознаградят исследователя за его старания.

Именно упомянутая надежда и воодушевила меня, когда в небольшой приятной компании, собравшейся вечером в доме леди Мэри, я впервые встретил робкого, любезного, но сдержанного джентльмена — преподобного мистера Дженнингса. Разумеется, нижеследующие заметки включили в себя не все, что мне стало известно: детали, интересные

лишь специалистам, я здесь не привожу — их можно найти в моих научных трудах.

Должен заметить, что, когда я говорю о «медицинской науке», я (и надеюсь, со временем круг моих единомышленников пополнится) употребляю этот термин в более широком смысле, чем допускает сугубо материалистический подход. Я полагаю, что окружающий нас материальный мир является конечным выражением духовного мира, его порождением и составной частью. Я считаю, что в основе человеческой личности лежит духовное начало, что дух — это организованная материя, но от материи в обычном понимании слова он отстоит столь же далеко, сколь свет или электричество; что физическое тело есть не более чем оболочка и, соответственно, смерть не кладет конец существованию человеческой личности, а всего лишь освобождает ее от физического покрывала. Процесс освобождения начинается с того момента, который мы называем смертью, и завершается несколькими днями позднее пробуждением к высшей жизни.

Если поразмыслить над обрисованными выше постулатами, то обнаружится, что они имеют непосредственное отношение к медицинской науке. Однако было бы неуместно приводить здесь аргументы и анализировать следствия этой теории, признаваемой, к сожалению, лишь немногими.

И вот я, по своему обыкновению, тайком, весьма осторожно наблюдал за мистером Дженнингсом (думаю, он это заметил) и обнаружил, что он, в свою очередь, тоже потихоньку наблюдает за мной. Когда же леди Мэри случайно обратилась ко мне по имени, я заметил, что преподобный Дженнингс взгляделся

в меня пристальной и после этого минуту-другую пребывал в задумчивости.

Затем, беседуя с одним из присутствующих, я уловил, что мистер Дженнингс не спускает с меня глаз. О причине его интереса ко мне я догадывался. Вскоре он, воспользовавшись удобным случаем, завел разговор с леди Мэри, и я, как это обычно бывает, уже не сомневался, что речь идет о моей персоне.

Священник постепенно перемещался туда, где я стоял, и вскоре между нами завязалась беседа. Когда встречаются два начитанных и много повидавших человека, можно ли сомневаться, что им найдется, о чем поговорить? Привела мистера Дженнингса ко мне отнюдь не случайность. Он знал немецкий и прочел мои «Очерки метафизической медицины» — книгу, которая дает больше поводов для размышлений, чем устанавливает истину.

Этот весьма учтивый джентльмен, робкий и явно склонный к чтению и философствованию, который, пребывая в нашем кругу, все же казался здесь в определенной мере инородным телом, — этот человек, хранивший, как я начал подозревать, перипетии своего существования в строжайшей тайне не только от света, но и от своих ближайших друзей, осторожно взвешивал в уме ряд идей, имевших касательство ко мне.

Незаметно для него я проник в его мысли и теперь всячески старался усыпить бдительность собеседника, не выдать случайным словом, что у меня зародились кое-какие догадки по поводу как его личных обстоятельств, так и планов, связанных со мной.

После недолгой беседы на общие темы мистер Дженнингс наконец сказал:

— Меня очень заинтересовали, доктор Хесселиус, некоторые ваши работы о метафизической медицине, как вы ее называете. Я их читал на немецком лет десять-двенадцать назад. Они переведены на английский?

— Нет, уверен, что нет, в противном случае я бы об этом знал. Думаю, для перевода требуется мое согласие.

— Около двух месяцев назад я просил здешних издателей достать мне эту книгу в оригинале, на немецком, но мне сказали, что она уже разошлась.

— Да, она действительно уже несколько лет как распродана. Моему авторскому тщеславию льстит, что вы не забыли мою книжечку, хотя, — заметил я с улыбкой, — десять-двенадцать лет достаточно большой для этого срок. Остается предположить, что либо затрагиваемые в ней предметы являются постоянной темой ваших размышлений, либо какие-то недавние события стали поводом для возобновившегося интереса к моим скромным трудам.

Эти слова и мой пристальный вопрошающий взгляд внезапно повергли собеседника в растерянность, так что он напомнил мне зардевшуюся от смущения девицу. Мистер Дженнингс уставился в пол, не зная, куда девать руки, скрестил их на груди, и на мгновение вид у него сделался не только ошеломленный, но прямо-таки виноватый.

Я воспользовался наилучшим способом преодолеть неловкость, а именно: притворился, будто не заметил ее вовсе, и как ни в чем не бывало продолжал:

— Случалось — и не однажды, — что у меня вновь возникал интерес к какой-либо давно оставленной теме: одна книга наводит на мысль о другой,

